

В. А. Никонов

СЕВЕРНЫЕ ФАМИЛИИ

Сотни тысяч фамилий составляют такой огромный отряд в лексическом составе русского языка, что без его изучения знание русского языка неполно. А значительная автономность этого отряда в языке требует и специфики его изучения, не меньше чем диалектология. Методы же исследования фамилий у нас почти не разработаны; эта научная проблема по существу поставлена лишь в минувшем десятилетии¹. В потоке последующих работ, к сожалению, преобладали любительские, не опирающиеся ни на какую теоретическую основу и оперирующие эффектными фамилиями. Серьезных работ немного. Для них характерны два основных недостатка.

1. Попытки подлинно научного этимологического исследования фамилий представляют случайный набор отдельных фамилий, рассматриваемых порознь. При этом исчезает их типология, да и любая предлагаемая этимология надежна лишь в том случае, если она доказана не только закономерностями исторической фонетики на материале нарицательных, но и аргументами собственно ономастическими. Можно «традиционным» способом рассмотреть образование фамилии *Живаго*, но даже при отсутствии лингвистических ошибок такое исследование антропонимически неполноценно, если не учитывает наличия ряда (*Мертваго*, *Дубяго* и проч., полдюжины из которых продемонстрированы Кузьмой Прутковым) и связи его с -ово (*Дурново*, *Хитрово* и др.), а всех их — с -их, -ых (*Черных*, *Гладких*). Но и этого мало. Изучение их — ничто, если не знать, что все они охватывают меньше 1% русского населения. Понять частное нельзя, ничего не зная о целом. Равно однобок анализ отдельных изолированных фамилий без статистического анализа всей массы их или обратно.

2. Игнорируют пространственное размещение фамилий. А без знания этого беспомощны этимологии: фамилия *Бураков* почти всюду связана с *бурак* 'свекла', а на Севере *бурак* значит 'корзина'; фамилия *Кокорин* у русских в западных областях и Прибалтике связана с *кокора* 'большой блин', а на Севере *кокора* — 'коряга, бревно с корневищем'. Сам состав фамилий на каждой

¹ Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. — В кн.: Этимология 1966. М., 1968.

территории различен, резко различна и частота каждой. В прошлом эти различия были еще значительней. Самая частая в Москве фамилия *Иванов* на Севере (1897 г.) занимает 16-е место. Третья по частотности в Москве фамилия *Смирнов*, господствующая на Северном Поволжье, оказалась очень редкой на Севере (56 человек в Онежском уезде и 13 человек в трех остальных уездах, охваченных подсчетами, — только приезжие — служащие, торговцы, духовные). И лишь фамилия *Кузнецов* там и тут занимает 2-е место, уступая в Москве только *Иванову*, а на Севере — *Попову*. Достаточно привести данные о пяти самых частых фамилиях Архангельской губ. (взяты 4 уезда — Мезенский, Онежский, Шенкурский, Холмогорский), сопоставив хотя бы с двумя другими территориями, чтобы увидеть отчетливую региональность фамилий. Подсчеты выполнены по материалам переписей. Так как объем каждого из приводимых подсчетов очень близок (Архангельск. губ. — 195 тыс. чел., Зауралье — 190 тыс. чел., Тульск. губ. — 201 тыс. чел.), целесообразно привести их без пересчета — в абсолютных числах:

	<i>Попов</i>	<i>Кузнецов</i>	<i>Шестаков</i>	<i>Некрасов</i>	<i>Семаков</i>
1. Архангельск. губ.	4753	2274	1308	1034	1029
2. Зауралье	1297	910	547	165	6
3. Тульск. губ.	275	1830	67	18	18

П р и м е ч а н и е:

1. Мезенский, Онежский, Холмогорский и Шенкурский уезды, всероссийская перепись 1897 г. — Архангельск. обл. архив, ф. 6, оп. 18 и 19.

2. Тобольская губерния: Курганский округ, около 1890 г. — Центр. историч. архив, Ленинград, ф. 1290, оп. 6; Ялуторовский, Ишимский, Турийский уезды 1897 г. — Тобольский гос. архив, ф. 417, оп. 1.

3. Алексинский у. земская перепись 1916 г. — Тульск. обл. арх., ф. 4, оп. 6, Епифанский у. 1900 г. — там же, оп. 2, Чернинский у. 1916 г. — там же, оп. 6.

При такой резкой разнице важнейшую роль в антропонимической науке получает география фамилий — сопоставительное изучение всей массы их на различных территориях. Эта трудоемкая работа у нас едва лишь начата.

Становление фамилий на Севере протекало значительно раньше, чем во всей средней полосе России, где почти все крестьянство принадлежало помещикам, а крепостным фамилий не полагалось. Если у них и возникали «уличные» фамилии, то, нигде не записанные, они легко дробились, менялись, исчезали. Основная масса крепостных получила фамилии только после 1861 г., на Севере же и в XVIII в. большинство крестьян имело фамилии, а многие и раньше. Приводимые исследователями даты различны: М. В. Витов — «В Обонежье фамилий в подавляющем большинстве случаев не было в XV—XVI вв.»²; П. А. Колесников — «У боль-

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, с. 132.

шинства черносотных крестьян и ремесленников в отличие от крестьян крепостнического центра страны, фамилии определились уже во второй половине XVII столетия³; Г. Я. Симина — «Письменные памятники Пинежья свидетельствуют, что фамилии там сложились лишь в XVIII в.»⁴. Кто прав? Становление фамилий — не акт, а процесс, который длился не одно столетие. «Первых» фамилий не было: в фамилию постепенно превращались иные именования — отчества и дедичества *иванов, гришин, кузнецов, волков*, т. е. сын или внук Ивана, Гриши, кузнеца, Волка. Установить, уже фамилия это или еще отчество, можно только располагая документальными данными дальше трех поколений, а такие случаи исключительны, но все же есть. В документах XVI в. по Ростовской вол. Важской земли (позже Шенкур. уезд) встретилась фамилия *Няников* и в той же вол. по переписи 1897 г. 11 семей *Няникова* (70 ч.) — фамилия удержалась на одном месте 3 столетия. Конечно, такие находки единичны, в документах XVI в. фамилии есть лишь у очень немногих. Со следующего столетия они уже несколько чаще. В 1897 г. *Лисицыны* и *Толстиковы* встречены там же, где они документированы в 1652 г. (Богословский I 88). Но и в конце XVII в. до широкого установления фамилий еще далеко. Акты переписи часовен 1692 г. содержат огромные списки крестьян, привлеченных в свидетели (РИБ XXV 549—741) и только у небольшой их части, кроме имени и отчества, есть третий член именования, но вот что с ним происходит: в Устьян. вол. указаны: «иосиф иванов сын кононовых да леонтий денисов сын лебедевых», а в заключении того же акта они поименованы «леонтий денисов, осиф иванов» (с. 549); «аверкий логинов сын поторочиных, симеон леонтьев сын чеснишин, яким тимофеев сын тюлпин», через несколько страниц уж только «аверкий логинов, симеон леонтиев, яким тимофеев» (с. 553) — и так почти в каждом случае: если есть третий член именования, он необязателен и легко исчезает. Фамилию в современном смысле немыслимо представить такой мерцающей и факультативной. Случай позволяет подсмотреть дату становления или смены фамилии: учитель М. В. Ломоносова до 1718 г. подписывался *Семен Никита Смолиних*, в 1723 г. он *Сабельников*⁵, в 1897 г. *Сабельникова* записаны в соседней волости.

Многовековая с переменным успехом борьба Москвы и Новгорода за Север окончательно завершилась присоединением Новгорода и всех его владений к московскому государству в 1478 г., т. е. задолго до становления фамилий. В фамилиях этот процесс непосредственно отразился: каждая из этих двух исходных об-

³ Колесников П. А. Опыт генеалогии И. В. Бабушкина. — МИЕС, вып. III, с. 101.

⁴ Симина Г. Я. Фамилия и прозвище. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 30.

⁵ Муисеев Г. Н. Исторические известия новонаайденного Куростровского синодика. — МИЕС, в. III, с. 145.

ластей русского заселения Севера принесла свои слова, формы и фонетические особенности. Фамилии подвижней топонимов и не дают на карте такой границы, как размежеванье «новгородского» слова *ручей* с «московским» *ключ*, неизвестного ни историкам лексики, ни диалектографам, но четко сохраненного топонимией. Но, по-видимому, новгородские черты отразились в фамилиях *Анцифоров*, *Конечный* (*конец* — частейший административно-территориальный термин в Новгороде и его владениях), *Патракеев* (вместо *Патрикеев*), *Шкулев* (известно псковск. *шкуль*) и др. Исследователи, вероятно, умножат примеры, но это потребует немалого труда: новгородские и московские особенности переплелись очень тесно за последующие столетия.

Фамилии у русских на Севере, как и во всей России, по своему происхождению в абсолютном большинстве — отчества в форме кратких притяжательных прилагательных, образованных суф. *-ов*, *-ин*, означающих «чей сын». У крестьян среднерусской полосы эта форма была почти абсолютной, другие охватывали меньше 1%. Именно эти форманты до XVI в. служили основными средствами выражения притяжательности в широком значении, включающей и происхождение (не только кровное, а и по местности), и принадлежность. А на Севере другие формы фамилий охватывали 4—5% всех крестьян (см. табл.).

Формы фамилий русского сельского населения
(в пересчете на 10 тыс. чел. по каждой территории)

Уезды (и дата)	<i>-ов(-ев)</i> <i>-ин</i>	<i>-ой, -ий,</i> <i>-ый</i>	<i>-ский</i>	<i>-ух, -ых</i>
Онеж. у. Архан. губ. (1897)	9569	65	279	117
Шенкур. у. » »	9426	183	385	6
Холмогор. у. » »	9426	165	408	1
Мезен. у. » »	9707	245	45	3
для сравнения:				
Епифан. у. Тул. губ. (1900)	9952	—	42	—
Шуйск. у. Влад. губ. (1897)	9976	—	24	—
Курган. округ (1888)	9677	1	57	265

Архаичную форму фамилий *-ой* (*Толстой*, *Нагой*), а также *-ий*, *-ый*, *-овий*, *-атый* у русских, кроме северян, удержали только единичные старинные роды, а на Севере таковы и фамилии народные, например, в Шенкурском уезде их носили 1617 чел.; по отношению же ко всей массе крестьян они чаще всего в самом отдаленном из обследованных уездов — Мезенском (почти 2,5% всех фамилий). Вот некоторые из таких фамилий: *Бархатный*, *Безногий*, *Белый*, *Боговой*, *Борзой*, *Волосатый*, *Гладкий*, *Горбатый*, *Грязной*, *Девятой*, *Жидкий*, *Золотой*, *Игумный*, *Конечный*, *Лисой*, *Мелкой*, *Нагой*, *Резвый*, *Рудный*, *Седьмой*, *Слудной*, *Страшный*, *Узкой*, *Хрущкой*, *Черный*, *Шубный*.

Фамилии на *-ский*⁶ в Средней России принадлежали дворянству (в подражание княжеским и шляхетским), духовенству (из названий церквей и селений), с XIX в. — разночинцам, во второй половине XIX в. начали распространяться у отдельных крестьян, вырвавшихся из общины и сменивших место жительства. Они оставались в ничтожном меньшинстве. А на Севере они во много раз чаще. В 1897 г. их носили в Шенкурском у. 3315 ч. (459 чел. *Едемские*, 260 чел. *Поженские*, 227 чел. *Бубновские* и т. д.), в Холмогорском — 1634 чел., Онежском — 1047 чел. В таких количествах, несомненно, это фамилии не духовенства и не заезжих торговцев или служащих.

Основной массив русских фамилий в форме род. пад. мн. ч. притяж. прилаг. *-их*, *-ых* охватывал Северное Заволжье, оттуда они хлынули на восток, пересекли Вятку, Каму, Уральский хребет и распространились по Сибири (другой массив их, поменьше, расположен между Орлом, Курском, Воронежем)⁷. Подсчеты показали, что продолжение ареала *-их*, *-ых* на Север неравномерно: только в Онежском у. они довольно часты (493 чел.) — больше 1% всего населения⁸; в других уездах их осталось мало. Перечень их по 4 уездам: *Боровых*, *Власовских*, *Вострых*, *Вторых*, *Вшивых*, *Гладких*, *Долгих*, *Жидких*, *Земских*, *Коротких*, *Лисых*, *Луговых*, *Односторонних*, *Плоских*, *Рыжих*, *Череповских*, *Широких*. Давность этой модели документирована многократно: в 1641 г. на р. Устья записан *Иван Федоров Сухих* (Богословский I, с. 85), в 1642 г. несколько северней — *Никон Васильев Тупицыных* (там же, с. 103); на Пинеге в 1686—1688 гг. — *Сухаревых*, *Страшных*, *Ставровых*, *Еремеевых*⁹. Несомненно, что в прошлом именование на *-их*, *-ых* было на Севере чаще. По результатам переписи часовен 1692 г. южней и восточней Шенкурска трехчленных именований оказалось 42% от общего числа (РИБ, т. 25). Многих потомков этих семей в тех же местах застала через двести лет всероссийская перепись, но уж без *-их*, *-ых*: в Великониколаевском приходе и соседних с ним 1692 г. — *Волосатых*, *Лодыгиных*, *Тарасовых*, *Кожевниковых*, *Тяжелкиных*, *Мелких*, *Ревиных* (с. 350—382), в Великониколаевской вол. 1692 г. — *Сенчуковых*, *Тюлебаев*.

⁶ Своеобразная функция сущ. *-ск-* затрудняла его определение. Предполагали даже, что она связана с выражением «коллективной принадлежности» (ср. *морской берег*?). Вместо этого мной предложено на Международном симпозиуме по этимологическим исследованиям определить эту функцию как непличную принадлежность. Качественные значения прилагательных со *-ск-* тоже очень ранни, но вторичны.

⁷ *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974, с. 212 и 218 (карты фамилий на *-их*, *-ых*).

⁸ Очень существенно, что они сосредоточены на небольшом пространстве: 473 ч. по течению р. Онega ниже Иксы, кроме низовий, по которым близ города и немного западней вдоль берега Белого моря еще 7 чел., отдельно 5 чел. на севере Онежского полуострова. По всей остальной территории обширного уезда таких фамилий нет.

⁹ *Симина Г. Я.* Из истории русских фамилий: Пинежские фамилии. — В кн.: Этнография имён. М., 1971, с. 114.

вых, там же в 1897 г. (Кургоминская вол.) 128 чел. *Сенчуковы*, 125 чел. *Тюлебаевы*; в Попонаволоцкой вол. 1692 г. — *Новгородовых*, *Мининах*, в 1892 г. это Благовещенская вол., в ней записаны *Новгородовы* — 157 чел., *Минины* — 324 чел.

До сих пор никто не отметил, что по всероссийской переписи 1897 г. формант *-их* во многих случаях отличал женщин. Семья в дер. Ананьево Кушевской вол. Холмогорского уезда: хозяин — *Луговой*, так и его 15-летний сын, хозяйка — *Луговых*, так и дочь; такие примеры неоднократны в Мезенском уезде: у хозяйки и ее дочери фамилия *Вторых*, а у троих сыновей — *Второй* (с. Койнас), хозяйину и его сыновьям записана фамилия *Прелой*, а хозяйке и дочери — *Прелых* (д. Кысская), в д. Засульская так дифференцированы фамилии внутри трех семей. Точно такие примеры мне встретились в документах той же переписи по Елутовскому у. Тобольской губ.¹⁰

Как нигде, на Севере фамилии сохранили в себе корни, которые исчезли из языка. Фамилии *Басаргин*, *Завьялов*, *Личутин*, *Ряхов*, *Собинов*, *Собинкин*, *Создомов* и многие другие — эхо старинной русской речи. Основы некоторых из них даже нигде не записаны, их не знают ни историки языка, ни диалектологи, и только фамилии доносят нам свидетельство о словах, исчезнувших навсегда. Фамилии напоминают об исчезнувших и забытых профессиях: среди записанных на Севере — *Воротников* (связано с воротами, а не воротом), *Иконников*, *Келарев*, *Калачников*, *Пономарев*, *Прокуряков*, *Свечников*, *Скоморохов*, *Сундучикников*, *Трапезников*, *Шерстобитов* (в Шенк. у.), *Шерстобоеv* (Онеж. у.), *Штеннников*. Пока ничего неизвестно о слове *шивальница*, но фамилия *Шивальницын* (Шенк. у.) доказывает, что оно существовало. На Севере чаще, чем в центральной России, фамилии от редких и рано вышедших из употребления имен: *Агапитов*, *Агафелов*, *Амосов*, *Баравин*, *Зотиков* (Зотик — не уменьшительная, а, наоборот, полная форма имени, Зот — производно), *Диев*, *Далматов*, *Нифонтов*, *Парфентьев*, *Стратонов*. Части *Анфицеровы* (имя *Anfizfer*, нередкое в Новгородских и Псковских землях почти не употребляли в Московской Руси). Речь идет не просто о наличии этих фамилий: ту или иную из них можно встретить и в других местностях, но не в таком «ансамбле» и не с такой частотностью. Характерны для Севера формы *Евтигин* (из *Евтихий* и др.), *Федъкушев* (118 чел. в Мезен. у.), *Патракеев* вместо общерусского *Патрикей*, *Олуферов* при среднерусск. *Алферов* (из *Елевферий*).

Из отличительно-региональных фамилий естественно обильны образованные от местных географических названий: *Ваенгский*, *Вайванцев*, *Ваймугин*, *Варакин*, *Варзузин*, *Вологдин*, *Гаревский*, *Долгощелов*, *Едемский*, *Закемовский*, *Кокшаров*, *Матигоров*, *Мех-*

¹⁰ Тобольский архив, ф. 417, оп. 1.

ряков, Немлюгин, Нюхчин, Онегин, Пермиловский, Поженский, Шежмин, Шелатский. Западная часть территории (бывш. Онежский уезд) входит в ареал сплошных гидронимов со 2-м компонентом -озера (*Кенозеро, Ундовзеро* и мн. др.), охватывающий в Карелию, это отразилось и в фамилиях — *Кенозеров, Кодлозеров, Ундовзеров* и др. Немало фамилий и от основ нарицательных, означающих специфически местные реалии: *Вешняков, Ластов, Лохов, Морицын, Пластинин, Согрин, Шелегин* и др. локальные особенности природы, хозяйства, быта.

Как показывает прилагаемый словарик, очень много фамилий с диалектными основами. Достаточно привести немногие из них: *Асеев, Вакорин, Варакин, Едовин, Кавадеев, Лисый, Матафонов, Моршинев, Олупкин, Павозков, Пестерев, Рудаков, Рядовкин, Слузов, Труфанов, Тусев, Тяжелкин, Хрушкой, Черепанов, Чудин, Чухарев, Шаньгин, Шумилов, Шапов*. Особенно важно выявить коварные случаи диалектной семантики: слово внешне общеизвестное, но употребляемое на Севере в совершенно ином значении. Удивляет, что там нередка фамилия *Казаков*: казачества на Севере не было. Но *казак* в северных говорах значит совсем иное: не 'вольный', а 'наемный работник' (поговорка «Я тебе не *казак*, чтоб на тебя работать»). Многие северные фамилии таят такие коварные ловушки: *Бородин, Дураков, Обрядин, Узкий, Узких, Широкий, Широких*. К сожалению, большинство фамилий известно не в их живом звучании на месте, поэтому диалектные фонетические черты в них часто «исправлены» писцами (чертедования *о—а, е—и, у—в, ч—ц*), но некоторые особенности все же отразились, хотя последовательность трудно уловить (*Зехов—Зихов, Тусев—Тусев—Тусев, Курбатов—Гурбатов, Бурмакин—Бурмагин*). В Онеж. у. развивается протетическое *в*: *Востров, Востроголовый, Вострых*. Кроме 244 чел. с фамилией *Журавлев*, зафиксированы 26 *Жараев* (Шенк. у.) и 54 — *Жаравов* (Холм. у.). Только 8 чел. записаны в форме *Коновалов* и 231 чел. *Коневалов*. Нередко твердое *с* на месте мягкого (ср. *Карасев*), сдвиг *ч/ш* (ср. *Анчуков* и *Анишуков*, *Чеченин—Шешенин*, *Чуваев—Шуваев*).

В северных фамилиях отразились и некоторые отчетливо региональные элементы словообразования. В 4 уездах перепись 1897 г. зафиксировала 1742 чел.: с фамилиями на *-ыг*: *Барыгин, Бурыгин, Вторыгин, Колотыгин, Лодыгин, Макарыгин, Молыгин, Паныгин, Паригин, Софрыгин, Турыгин, Тутыгин, Шарыгин, Ярыгин* и др. Конечно, это суффикс не фамилий, а тех основ, от которых фамилии образованы: часты в прошлом личные именования на *-ыга*. По-видимому, повышена по сравнению со Средней Россией и частотность окончаний *-ицын, -аков* (орфографически и *-яков*), в том числе от имен, означавших порядок ребенка в семье, ср. *Третьяков, Шестаков, Семаков*.

Известна историческая связь Севера и Сибири, следы которой многократно отражены и в диалектах. Многие северные фамилии, не находящие этимологического объяснения в северных говорах,

объяснимы из уральских и сибирских говоров *Голдобин*, *Губни-цын*, *Козицын* и др.; видимо, слова, явившиеся для них основой, перенесены потоком русских с Севера через Урал и Сибирь в XVI—XVIII вв., а на Севере или вышли из употребления, или ускользнули отialectографов.

На Севере есть фамилии из языков, которые там бытовали до русского заселения, преимущественно из коми, ср. *Бушенев*, *Кычин*, *Рочев*, *Сауков*, почти все они на Мезени. Ненецкие фамилии в собранном материале не обнаружены (или не установлены), а те, которые привела Л. В. Хомич¹¹, остались восточней территории, охваченной моими подсчетами. Отмеченное О. Н. Трубачевым¹² карельское происхождение фамилии *Вахрушев* (без указания этимологии), может быть, находит подкрепление в том, что на рассматриваемой территории эта фамилия представлена именно на крайнем западе — в Онежском уезде (единственная семья), но там же многочисленны *Вахромеевы*, а главное — фамилия *Вахрушев*, чаще всего встречающаяся в Удмуртии, по-видимому, все же производная от формы *Вахруш* из канонического личного имени *Варфоломей* (в просторечии *Вахромей*). Таким образом, происхождение фамилии пока остается спорным.

Сопоставление данных по многим территориям позволяет проследить и нити миграции. Несомненно, с западно-русских территорий принесен суф. -хно (фамилия *Ивахнов*: Шенк. у. Великодвор. вол.), общий для белорусского, украинского и зап.-слав. языков. Оттуда же, вероятно, пришел и суф. -ут-, широко представленный основами северных фамилий: в Онежском у. — *Орютин*, *Панютин*, *Парутин*, *Торутин*, в Шенкурском у. — *Кошутин*, *Малютин*, *Лешутин*, в Мезенском у. — *Личутин*, — большинство еще от нецерковных имен. Заманчиво предположить его ненецкое происхождение; в 1971 г. у ненца В. Тырерко — ненецкое имя *Лабута* (Хомич указ. соч. 119), в документах XVI в. встречаем на Севере имена *Волдута*, *Кошута*, *Офута*. Но А. А. Шахматов указал на формы *Машута*, *Мишута*, *Федуто* в двинских грамотах XV в. от канонических личных имен (Шахматов, 120), в прошлом формы личных имен с этим суф. нередки у новгородцев, он част в польской лексике, откуда заимствованы рус. *Малюта* и нарицательное *малютка*. Большие подсчеты по Зауралью¹³ выявили там свыше тысячи человек с фамилией *Меньшиков* и свыше пятисот чел. с фамилией *Доставалов*. И те же фамилии встретились в Нерчинском округе Забайкалья¹⁴. Стало известно, что *Меньшиковы* есть и на Вятке. Архангельские подсчеты обнаружили в одной и той же Великодворской вол. Холмо-

¹¹ Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976, с. 101—110.

¹² Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 35.

¹³ ЦГИА, ф. 1290, оп. 1; Тобольск, арх., ф. 417, оп. 1.

¹⁴ ЦГИА, ф. 1290, оп. 6, № 362—363.]

горского уезда и Меньщиковых и Доставаловых¹⁵. Юго-западней в Кенозере (Заонежье) хорошо известен сказитель былин Меньщиков (1860 г.). Обе фамилии не «повсеместны», а исключительны. Появление их вместе в разных точках огромной территории не может быть случайным. Несомненно, что их пунктир на карте — прямой след переселений.

Наконец, изучение северных крестьянских фамилий, наиболее ранних, послужит канвой для генеалогий, в прошлом оставшихся достоянием лишь ничтожной привилегированной верхушки. Начало этой огромной и ценной работе положено именно на Севере¹⁶.

Но это изучение и очень трудно. Не говоря уж о катастрофическом отсутствии сплошных данных по обширным территориям (Вологодская, Кировская, Пермская области), нередки искажения фамилий до полной неузнаваемости (не считая таких легких случаев, как 296 чел. документированы с фамилией *Леванидов* и только 2 — *Леонидов*, 43 — *Олуферов* и ни одного от подлинной формы *Елевферьев* и т. д.). Огромная часть лексики прошлого осталась незаписанной, так что фамилии оказались изолированными, и исследователя подстерегают многочисленные западни, кроме приведенных (например, изменения значений слов), особенно опасна видимая «ясность» этимологии: даже знаток истории северных говоров И. А. Елизаровский имена *Паршук*, *Харя* и *Черепан* зачисляет в рубрику «по наружному виду» (Елизаровский: 27), т. е. связывая с основами *парша*, *харя*, *череп*, к которым они никакого отношения не имеют.

Для многих северных фамилий пока не найдено удовлетворительного объяснения (*Видякин*, *Водынин*, *Лихотуров*, *Односторонних*, *Теленюгин* и др.).

Работа не была бы выполнена, если бы не драгоценная помощь, которую автору оказали сообщениями и советами диалектологи Г. Я. Симиша (Ленинград), Э. Н. Осипова, Л. П. Комягина (Архангельск), работники Архангельского архива Л. Н. Хрущкая, Е. С. Полуянова, исследователь фольклора Н. И. Кравцов (Москва), краеведы М. С. Медведев (Архангельск), Н. Л. Коньков (Вологда).

Прилагаемый словарик включает лишь очень малую часть из 2573 фамилий по 4 уездам Архангельской губ., подсчитанных в фонде переписи 1897 г. (АОА ф. 6, оп. 18 и 19); кроме того приведены сведения Г. Я. Симишой по Пинежскому у. и другие источники. По каждой фамилии указано место, где она документирована (отсутствие даты указывает во всех случаях на перепись

¹⁵ Архангельский областной архив, ф. 6, оп. 19, № 212 и 213.

¹⁶ Воскобойников Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых — Хлызовых. — В кн.: Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968; Колесников П. А. Опыт генеалогии рода И. В. Бабушкина. — МИЕС III,

1897 г.); в скобках после фамилии дано название уезда, за ним, где нужно, и волости. Цифры указывают количество носителей фамилии.

Багаев (Онеж. Кущерец. вол.). Отчество от прозвища *Багай* из диал. онеж. *багай* 'шалун' (Под., 3).

Басаргин (Онеж. Славин. и Посад. вол.). Отчество от прозвища из диал. *басарга* 'трава, непригодная на корм' (АПИ). Фамилия документирована с XVI в. в Обонежье.

Бахтин (Шенк. Усть-Важ.). Из диал. *бахтить*, глагол записан в пинежских говорах (Сим.).

Бобыкин (53 чел. Шенк. Ростов.). Отчество от прозвища *Бобыка* из нарицательного *бобыка*, означавшего птицу удод; это слово записано в говорах Зауралья между Ялуторовском и Ишимом (Филин 3 39).

Бородин (355 чел. во всех 4 уездах). При вероятной связи фамилии с общеизвестным значением слова надо учесть северное диалектное значение *борода* 'общая помощь на уборке урожая', которое могло стать основой именования.

Бураков (Шенк. Усть-Паденг. 128 ч.). Местное значение слова *бурак* 'корзина' (АПИ), тогда как в Южной и Средней России *бурак* 'свекла'.

Бушенев (261 чел. Мезен., Пысск. — только на крайнем ю.-в., вдающемя клином в Коми АССР). Коми *бушийни* 'разрвать, раскопать, раскидать' (ССКЗД, 32).

Вешняков (Холм. и Мезен.). Отчество от именования отца *вешняк* 'уходящий весной в море на промысел'. Фамилия документирована с 1629 г. При переезде в другие местности и утрате значения фамилию по звуковому совпадению смешивали с фамилией иного происхождения *Вишняков*.

Вилокосов (Холм. Петров.). Отчество от предполагаемого прозвища *Вилокос(ый)*, компоненты которого не земледельческие орудия *вила* и *коса*, а *вилавый* 'лукавый, извилистый' (Под. 18) и *косо* 'криво'.

Военгский (Холм. Ломонос. 90 чел.). Фамилия из именования по местности — речке *Военга*. Кроме того, там же один из жителей документирован с фамилией *Воинский*, явно возникшей в результате переосмыслиния.

Галушин (Холм. Ломоносов и Кушев). Фамилия связана с диал. арханг. и холм. глаголом *галушить* 'насмехаться' (Под. 29).

Гладкий, Гладких (Холм. Петров.; Мезен. Дорогор. и Погорел.). Из диал. *гладкий* 'здоровый, толстый' (Под. 30).

Голдобин (Шенк. несколько вол; Онеж. Мардин). Этимология фамилии раскрывается по данным сибирских говоров: *голдобра* 'беднота' (Пал. Д I 96).

Доильницаин (184 чел. Шенк. Благовещ.). В местных говорах *доильница* только 'ведро для доенья молока' (АПИ), но это мало-

вероятная основа для фамилии. По-видимому, фамилия связана со значением 'работница, доящая коров'; в этом значении слово зафиксировано в 1790 г. и 1817 г., а еще раньше, в 1700 г., со значением 'кормилица' (Картотека Словаря XVIII в.).

Едовин (89 ч. Шенк. Благовещ. и Усть-Паденг.) чаще *Ядовин* (234 ч. там же и др. вол.). Отчество от прозвища *Едоевый* из диал. *едовыи*, записанного на этой территории с различными значениями (МГУ): 'неприхотливый в еде' (с. Тавреньга Коноп. р-н), *едова собака* 'злая' (с. Сийяки Устьн. р-н).

Ерилов (Онеж. Мордин. 32 ч.). Отчество от др.-рус. муж. имени *Ярил*.

Жехов, Жохов (Холм. Григор.). Отчество от прозвища *Жех*, *Жох* из того же диалектного нарицательного 'старожил, коренной житель' (Борич. 137).

Житников (Шенк. Великониколаев.). Фамилия связана с диал. *житник* 'круглый хлеб из ячменной муки' (АПИ).

Едемский (459 ч. Шенк. Великониколаев. и соседние вол.). Фамилия из наименования по местности: в Арханг. губ. было несколько населенных мест с названием *Едома*, *Едема* из местного нарицательного *едома* (Шенк., Мезен.) 'отдаленная местность' (Под. 195). Под властью Новгорода среди «двинских бояр» были влиятельные *Едемские*, после присоединения к Москве они остались на Ваге, позже «большинство *Едемских* окончательно окрестьянивается, некоторые даже нищенствуют» (Васильев, 12). Удивительно указание Подвысоцкого: *едомский* — 'обедневший, безоленный самоед', переносно 'нищий' (Под. 195), с одной стороны, связывающее его еще с ненцами, а с другой — словно связанное с судьбой рода *Едемских*. В д. Ковачева (Шенк. у.) 80 чел. и все они — *Едемские*.

Зародов (63 чел. Шенк. Кургомин.). Отчество от нецерковного личного имени *Зарод*. В документе 1623 г. записан крестьянин пинежской деревни Крылова Гора «гришка максимов сын зарод»¹⁷. В архангельских говорах *зарод* 'стог сена, обычно продлговатый' (АПИ), но в документе 1612 г. встречаем и *зародное поле* (МИЕС II 395).

Заморов (Шенк. Усть.-Паденг.). Отчество от именования *замор* 'бывавший в других странах, т. е. за морем' (Под. 51).

Здрецов (Шенк. различн. вол.). Отчество от прозвища *Здрец*. В соседнем Пинеж. р-не диалектные экспедиции Ленинградского университета неоднократно записали *здрение* 'зрение' (Сим.). Возможно, здесь представлено древнее фонетическое явление вставное *-д-*, ср. рус. *ндра*.

Золотилов (87 чел. Холм. Емец. и Медведов.). Фамилия м. б. связана с диал. глаголом *золотить* 'ругать' (АПИ).

Клишев (227 чел. Холм. и Мезен., но и *Клешов* 7 чел. Холм.). Отчество от формы *Клиш* (*Клеш*) из канонического мужского

¹⁷ Симина Г. Я. Из истории русских фамилий. . . , с. 112.

имени *Клементий*, в повседневном употреблении — *Клим*, в письмовой книге Заонежья 1496 г. записан крестьянин *Клиши Нестеров* (Витов 257). В том же погосте ревизия 1720 г. указала д. *Клишево*, которая позже на карте генерального межевания значится *Клишево*, в 1563 г. там жил *Клишко Левонтьев* (Витов 36—37).

Клубыков (Шенк. Кургомин). Диалектное *клубык* ‘верхний сноп’ (АПИ).

Клюев (Холм. Зачачьев). Отчество от прозвища *Клюй*, которое Ю. А. Федосюк связывает с *клюв*, однако не приводя никаких доказательств серьезного фонетического различия; архангельский краевед М. С. Медведев сообщил более вероятную основу прозвища: в архангельских говорах *клюй* и *клевака* означало сонливого, клюющего носом.

Кобелев (91 чел. из них 86 чел. Холм. Ломонос.). Отчество от нередкого нецерковного мужского имени *Кобель*, например, в 1524 г. «наумка кобель с товарищи» получил в вотчину соляные ключи в Двинском у.

Кокшаров (86 чел. Шенк. Благовещ., 62 чел. Мезен. — Преимущественно Лешукон). Отчество от наименования отца *кокшар* — житель с р. Кокшенга (в бассейне правых притоков р. Вага). В 1452 г. московский великий князь «город кокшеньгский взял а кокшаров сеk множество», мстя за поддержку Шемяки.

Конечный (195 чел. Шенк. Смотров.; там же в 1655 г. с этой фамилией несколько крестьян упомянуты в порядных записях)¹⁸. Термин *конец* с территориально-административным значением принесен на Север еще новгородцами.

Корельский (882 чел. во всех у. кроме Мезен.; из них 827 чел. во многих вол. Холмогор. у., 55 чел. в Шенк. и Онеж.). М. В. Витов отметил, что наименование *корельский* имело не этническое, а географическое значение, обозначало не карела, а переселенца с карельской стороны, то есть из более западной местности (Витов 63—64).

Коржавин (Шенк. и Холмог.). Отчество от нецерковного мужского имени *Коржава*, указанного И. А. Елизаровским в беломорских документах XVI—XVII в., диал. *коржава* ‘кривоногий, горбатый’ (Елизаровский 27).

Крысанов (128 чел. Онеж. в нескольких волостях). Отчество от наименования *Крысан*, возможного из канонического мужского имени *Хрисанф* (повсеместно — *Кирсан*), но архангельский краевед М. С. Медведев считает *Крысан* прозвищем из северного диалектного нарицательного *крысан* ‘грубый, огрызающийся’ (ср. глагол *окрыситься*).

Кукольников (55 чел. Шенк. в нескольких вол.). Отчество от наименования отца: *кукольник* на Севере ‘ряженый на святках’ (Под. 194).

¹⁸ Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977, с. 83.

Куроптев (Онеж. Варзогор.). Фамилия связана с диал. *куропть* ‘куропатка’ (Под. 79).

Лимонников (118 чел. Мезен. Дорогор., Юром. и др. вол.). В словаре Н. Ушакова приведено слово *лимонничать* ‘нежничать, любезничать’, но оно, по-видимому, позднее, в более ранних словарях *лимонник* только наименование растения. Так как больше нигде эта фамилия не встретилась, ее основу могут подсказать местные говоры. Так на Пинеге в д. Волдакуры записано *облизмонилась* ‘обленилась’ (Сим.). Может быть, *лимонник* ‘лентяй’? Но это лишь предположение.

Лисой, *Лисый*, *Лисых* (134 чел. Шенк. в нескольких вол.). Фамилией стало прозвище, местное диалектное *лисой*, *лисый* означает ‘желтый’ (АПИ).

Личинин. Грамота 1578 г. указывает в д. Микулина на р. Емце ‘дети Личинина’ (МИЕС II 216), ныне Холмогорский р-н; всеобщая перепись 1897 г. этой фамилии уж не застала. Трудно решить, в каком значении слово *личина* (если основа не из языка коми) стало личным наименованием; в литературе оно означало маску.

Личутин (Мезен. Дорогор., Койден.). Фамилия современного известного архангельского писателя В. В. *Личутина*. Вероятно, отчество от нецерковного мужского имени *Личута*, пока не обнаруженного в документах прошлого. Если основа русская, то возможная база *лицо*. Глагол *личить* ‘приличествовать, подбрасывать, соответствовать’ В. И. Даль относил к северным. О суф. *-ута* сказано во вводной части.

Лягин (66 чел. Шенк. Усть-Паденг., Великониколаев). В северных говорах *ляга* ‘глубокое место в реке’ (Борич. 139).

Матафонов (Холм. Кушев.). Фамилия связана с диалектным термином *матафан* ‘поплавок невода’ (Под. 88), но характер этой связи неясен.

Мехряков (51 чел. Холм. Зачачьев., Медведов). Отчество от именования *Мехряк* — житель дер. Мехренъги (на р. Мехренъга) в Холм. р-не, но оно получило и вторичные значения ‘толстый ребенок’, а в Онеж. р-не и ‘глупый’ (АПИ).

Митусов (79 чел. Холм. Петров.) Отчество от прозвища *Митус*, производного от диал. глагола *митусить* (по В. И. Далю, архангельского) ‘щуриться на один глаз’ и ‘суетиться, болтаться’.

Моршинев (116 чел. Шенк. Усть-Паденг. и соседние вол.). Фамилия связана с диал. *моршины* ‘самодельная обувь из цельного куска кожи’, фонетич. вариант — *поршины* (см. *Поршинев*).

Непряхин (Шенк. Великониколаев). Отчество от прозвища *Непряха* из диал. *непряха* ‘неумелый’ (первоначально ‘не умеющая прядь’), слово записано в с. Карпогорье Пинеж. р-на (Симина).

Норицын (Холм. Емец.), Фамилия связана с диал. глаголом *норить* ‘ловить рыбу неводом подо льдом’, записанным в д. Чученога Пинеж. р-на (Сим.).

Няников (70 чел. Шенк. Ростов; там же она документирована еще в XVI в.). Фамилия связана с диал. глаголом *няничать* 'нянчиться', записанным на Среднем Урале (Сл. Сред. Урала, II, 214).

Обрядин (Холм. Кушев). Фамилия связана не со словом *обряд* литературного языка, а с местным словом *обрядный* 'хорошо одетый, нарядный' от *обрядиться, обряжаться*.

Окладников (14 чел. Мезен. Дорогор. — потомки очень ранних русских на р. Мезень, где несколько столетий существовала *Окладникова слобода*, которая в 1789 г. при преобразовании ее в центр уезда получила название г. Мезень). Отчество от именования отца: *окладник* — 1) получающий оклад (жалованье по должности), 2) ведающий окладными книгами, 3) платящий оклад (налог). Трудно сказать, которому из этих трех значений была обязана фамилия.

Олупкин (Холм. Кушев). От прозвища, основа которого диал. слово *олупки* 'картофельные очистки, луковая кожура' (АПИ).

Олуферов (Онеж. 43 чел.). Отчество от канонического муж. имени *Елевферий*; в форме *Олуферий* оно не раз встречалось на Севере, например, в купчей XV в. (РИБ XXV 3).

Онегин (127 чел. Холм. Кушев; 7 чел. Онеж. Мордин; большинство лесорубы и лесосплавщики, остальные земледельцы). В основе фамилии — название р. Онега. Характерно, что почти все носители этой фамилии не на р. Онега: ведь там все жители онегины и фамилия не имела бы смысла.

Падерин (Холм.). Фамилия связана с диалектным словом *падера*, распространенным от Новгорода до Якутии: на Печоре — 'шторм', в Сибири — 'ураган со снегом или дождем, пылью'. Слово могло стать именем ребенка, рожденного в такую погоду, а отчество позже стало фамилией.

Патракеев (126 чел. Онеж. и Шенк.); **Патраков** (68 чел. Холм. и Мезен.), **Патрин** (4 чел. Онеж.). Отчество от северных производных форм *Патракей*, *Патрак*, *Патря* из канонического личного имени *Патрикей* (латин. *patricius* 'благородный'). Имя там часто еще с новгородских времен (Шахматов II 100).

Патрин (Онеж.). Возможны 2 источника: отчество от уменьшительной формы *Патря* из *Патракей* (см. предыдущ.) или связано с диалектным северным глаголом *патрить* 'пачкать, грязнить' (Елизаровский, 190).

Пекишев (Холм. 68 чел., Ломонос., Кушев., Великодвор.). Отчество от прозвища *Пекиши* из диал. *пекиши, опекиши* 'лепешка из ржаного кислого теста' (Под. 110, с пометой — Холм., Шенк.).

Пелевин, Пелявин (Холм. Емен.). Фамилия связана с местным словом *пелева* (*пелява*) 'мякина'.

Пестерев (Шенк. Устьваж.). Фамилия связана с местным словом *пестерь* 'разновидность корзины' (АПИ).

Пластинин (Шенк. 149 чел.; Великониколаев. И. Кургомин.). Фамилия связана с диал. словом *пластина* 'шкурка дичи и морского зверя; полоса, слой туши морского зверя или рыбы'. В Слово-

варе Академии Российской отмечено в Холмогорах ‘пластина соболья’; слово нередко в документах Мангазеи XVIII в.; живо в современных диалектах Сибири, в Омск. обл. есть и фамилия *Пластинин*.

Поромов (394 чел. Шенк.). В основе dial. *пором* ‘связанные бревна для лесосплава’ (Шренк, 156). Ранняя документация фамилии 1692 г. (РИБ XXV 364) в тех же местах.

Поршинев (Холм. Емец.). От *поршины* ‘лапти из тюленьей кожи’ (Под. 133), аналогична этимология северных же фамилий *Моршинев*, *Сыропоршинев*.

Проскуряков (Холм. Зачачьев). Отчество от именования отца по занятию: *проскуряк* ‘продающий в церкви просфоры’ (ритуальные хлебцы), *проскуряки* нередки в северных документах XVII в.

Пышкин (Шенк., Усть-Паденг. 231 чел.; в тех же местах фамилия засвидетельствована документом 1692 г. — РИБ XXV 376). Отчество от прозвища *Пышка*.

Распопин (Шенк. и Холм.). Отчество от именования отца: *распона* ‘бывший поп’. *Распопов* (Мезен. Лешукон.) то же, но от формы *Raspon*.

Рудаков (810 чел. Холм., Шенк., Мезен.). Отчество от нецерковного мужского имени *Рудак*, которое очень часто на Севере в XVI—XVII вв.: *Рудак Васильев* — 1594 г. в Лодоме (РИБ XXV 159), *Степанко Рудаков* (Богословский II 41) и мн. др. Ю. А. Федосюк связывает *рудак* только со значением ‘рыжий’, но для Севера характерно иное значение: *руда* ‘грязь, пятно’, *рудить* ‘пачкать’ (АПИ), как и в белорус., в отличие от древнерус. и современного украин. *руда* ‘кровь’ (однако и в Верхней Тойме *рудить* ‘красить’), а также и от современного рус. литературного, южнослав. и западнослав. значения слова *руда*, хотя все эти слова имеют один источник. Характерно отсутствие этой фамилии в Онеж. у.

Рудалев (21 чел. Холм.-Кушев.), *Рудной* (87 чел. Шенк. Ростов.), *Рудный* (219 чел. Шенк., Холм., Мезен.). Бесспорна связь со словом *руда*, вероятно, в местном значении ‘грязь, пятно’ (АПИ).

Рядовкин (75 чел. Холм. Зачачьев.). Фамилия связана с местным словом *рядовка* ‘грубая одежда из холста’, но также и ‘ряд изб’. (АПИ).

Самодов (Холм. Кушев. 166 чел.). Отчество от *самод*, по-видимому, означавшему ‘самодиец’, на архангельской территории ‘ненец’; в современных говорах записано *самодин* ‘самоед’ (АПИ).

Свалов (66 чел. Холм., 5 чел. Онеж.). Диал. слово *свал* ‘нарост на дереве’ многократно записано на Пинеге (Сим.), связь фамилии с ним неясна.

Сивериков (28 чел. Холм.). В архангельских говорах *сивер* ‘северный ветер’, *сиверко* ‘холодная погода’, *сиверик* ‘одно из травянистых растений’, на Пинеге в д. Сульца *сивиряк* ‘бабочка, мотылек’ (Сим.).

Склемин (Мезен. Погорел. 38 чел.). Из диал. северного склемы 'сплетни' (Колосов, 131).

Скrozников (Шенк. Усть-Паденг. 76 чел.). Отчество от прозвища *Скrozник* из сквозник 'хитрый, проницательный, пройдоха' (Даль IV 199); произношение скровь вместо сквозь в нарицательной лексике двинских говоров зафиксировано многократно (АПИ; Сим.).

Слузов (Онеж. Саван.). Фамилия связана с диалектным словом слуз 'слякоть; вода поверх льда' (АПИ; Сим.). В Заонежье эта фамилия документирована писцовой книгой 1622 г. (С. А. Приклонский. Народная жизнь на севере. М., 1884, с. 122).

Собинин (Холм. 122 чел. в Кушев. и Ломонос.); *Собинкин* (31 чел. в тех же вол.). В основе — собина 'собственность, имение' (Вейсман, Лексикон, 1731, 148), в Картотеке Словаря XVIII в. все указания на это слово не позже начала XVIII в., следовательно, позже слово вышло из употребления. Но говоры удержали собина, собинка в значении 'милый, дорогой' (Под. 160). На Пинеге в 1959 г. записаны событися 'дремлется', собыня 'сонливый' (Сим.). |

Согрин (Шенк. Кургомин.). Фамилия связана с диалектным северным словом согра 'заливаемая водой лесистая местность'.

Создомов (Шенк. Великониколаев.). В памятниках XVII в. создом 'учащенно дыша', позже держалось в костромских говорах (Даль, IV 267), фамилия донесла до нас забытое слово.

Сохачев (Мезен. Лешукон. 73 чел.). Отчество от прозвища Сохач из северного сохач 'самец лося'.

Сыродубов (Онеж. Мардин.); *Сыропоршнев* (Онеж. Наволоцк. 89 чел., там же и Широпоршнев, несомненно, фонетический вариант той же фамилии); см. *Поршнев*; *Сыропятов* (Онеж. Мардин); *Сырорыбов* (Онеж. Пурнем). Скопление этих фамилий с тождественным первым компонентом только на небольшой территории (при их редкости по всей стране) невозможно считать случайным. Видимо, в этом отразилась какая-то общность населения этой небольшой полосы между Онегой и Сев. Двиной.

Торицын (Онеж. Мордин). Фамилия связана с местным называнием растения торица, семена которого при частых северных неурожаях шли в муку (Шренк, 158).

Тормозов (Шенк. Усть-Паденг. 75 чел.). На севере тормоз — 'приспособление на полозьях саней, удерживающее от скольжения'. |

Треушков (Холм. Кушев.). Фамилия связана со словом треух 'северная шапка с тремя ушами'.

Труфанов (199 чел. Шенк. Предтечен., Усть-Паденг. и соседние вол.). Фамилия связана с местным словом труфни 'низкие валенки' без голенищ' (АПИ). С Севера фамилия (или еще и само имя нарицательное?) распространялась за Урал: по той же переписи 1897 г. 95 чел. в Юргин., Омутин. и Плетнев. вол. Ялуторов. у. (ТА, ф. 417, оц. I, № 211, 216).

Туесов, Туисов, Туясов (79 чел. Холм. Петров., 20 чел. Онеж. в нескольких вол.). Диал. *туес, туис, туяс* ‘берестяной коробок (для грибов, ягод)’, но и переносно ‘глупый, бестолковый’ (Даль IV, 457).

Тяжелкин (Шенк. и Холм.). Фамилия связана с местным словом *тяжелка* ‘осенняя мужская верхняя одежда из толстого сукна’ (АПИ).

Узкий (105 чел. Холм. Ломонос.), **Узкой** (49 чел. Шенк. Предтечен.) Пониманию прозвища, которое стало фамилией, поможет выражение, записанное на Пинеге в 1959 г.: «в узком месте живем — ничего не знаем» (Сим.), т. е. ‘скучный, бедный’. От антонима *широкий*, см. *Широкий*.

Фарколин (Онеж.). Фамилия связана с диал. глаголом *фаркать* ‘проворно шить’ (Даль IV, 241, с пометой «олонецкое», т. е. как раз на смежной территории).

Холзаков (Шенк. Благовещ., 196 чел.). Из диал. гл. *холзать* ‘соваться, качаться’ (Под. 184 с пометой «шенк. пинеж., мезен»).

Хрущий, Хрушкой (Шенк., Холм. и рабочие из Сольвычегод. у. Вологод. губ.). Из *хрушкий* ‘крупный’ (АПИ). Записано в Устьян. и Лещукон. р-нах). Сейчас известна семья с этой фамилией вблизи Архангельска из Верхне-Тойм. р-на.

Худяков (210 чел. Шенк. и Холм.). Отчество от нецерковного личного имени *Худяк*, нередкого там же в XVI—XVII вв., например, *Худяк Григорьев* с Лодмы — 1592 г. (РИБ XXV 159).

Цивилев (42 чел. Мезен. Олем.). Отчество от прозвища или нецерковного мужского имени *Цивиль* ‘воробей’ с характерной для местных говоров меной ч/ц. В Тотем. у. на верхнем течении Сев. Двины документирован в 1646 г. *Омелка Цывил* — родонаучальник многих поколений рабочих по добыче соли, фамилия сохранилась до нашего времени (МИЕС III, 97).

Черепанов (Шенк. 170 чел. в нескольких вол.). Отчество от прозвища *Черепан*, не по «наружному виду» (так Елизаровский 27): нарицательное *черепан* в архангельских говорах ‘изготовитель глиняной посуды’ (АПИ) и житель гор. Череповец.

Чуприков (Шенк. Предтечен. 30 чел.). Отчество от уменьшительной формы *Чуприк* из полного имени *Чуприян* (каноническое *Киприан* — др.-греч., происходящий с о-ва Кипр). Мена у/и произошла еще в греч. языке в силу изменения произношения гласного ипсилон; смягчение к/ч вызвано тем, что древнерусскому языку не свойственно к перед гласными переднего ряда. Имя *Чуприян* на Севере документировано в Кевроле 1578 г. (по документам Антониево-Сийского монастыря). Фонетический вариант — фамилия *Чуфряков* (54 чел. Шенк.-Предтеч.).

Чураков (Шенк. 230 чел., Холм. 69 чел.). Отчество от прозвища или нецерковного имени *Чурак*. Объяснение находим в сибирских говорах, где *чурак* ‘обрубок дерева’, переносно ‘глупый, темный’ (Пал. Д. II 270, Пал. III 234).

Чухарев (Онеж. 56 чел., Холм. 6 чел.). Отчество от прозвища **Чухарь** из онеж. диал. *чухарь* ‘глухарь’, переносно ‘глухой человек’ (МГУ).

Шадрин (Онеж. 302 чел., Шенк. 64 чел., Холм. 6 чел.). Отчество от прозвища **Шадра** из диал. *шадра* ‘рябь на лице от осины’. Диал. *шадра* и фамилия **Шадрин** продвинулась на Урал и в Зауралье.

Шалгунов (Шенк. 57 чел.). Фамилия связана с местным словом *шалгун* ‘дорожный мешок’ (Борич. 153). Написание **Шелгунов**, очевидно, фонетический вариант, так как встречается там же, где и **Шалгунов**.

Шаньгин (101 чел. во всех 4 уездах). В северных говорах *шаньга* ‘сдобная лепешка с творогом и сметаной’.

Шаров (Холм. 196 чел.). Вероятна связь с урал. диал. *шары* ‘глаза’, а не с ненецк. *шар* ‘пролив’ (в фамилиях на Двине ненецкая лексика не обнаружена).

Шелгунов — см. **Шалгунов**.

Шелегин (Шенк.). Северное слово *шелега* ‘сало морского зверя’ (Борич. 153).

Шиморин (Шенк. Предтеч.). Фамилия связана с диал. гл. *шиморить* ‘копаться над чем-то, возиться’ (Даль IV, 650 с пометой «архангельск.»).

Широкий (Мезен., Долгощел. 300 чел., Дорогор. 16 чел., Холм. Ломонос. 4 чел.), **Широких** (Мезен. Койден. 9 чел.). Антонимичная пара *узкий / широкий* стала основами фамилий в своих значениях ‘скучный / обильный’: сравн.: *жить на широкую ногу*, *широкая масленица* (см. *Узкий*).

Шитиков (Холм. Ломоносов 20 чел.; Шенк. Ростов. 100 чел.). В основе диал. *шитик* ‘разновидность лодки’.

Шкулев (89 чел., Онеж. и Холм.). Отчество от прозвища **Шкуль**. Существование прозвища документировано с 1561 г.: запись в писцовой книге «против двора шкулева», т. е. двор шкуля, тут и он сам «квасюк шкул, соловар» (МИЕС II, 476). Прозвище из диал. псков. *шкуль* ‘запас’, тверск. ‘кошель’, переносно ‘скряга’.

Штинин (Онеж. 25 чел.). Фамилия связана с архаичной формой *шити* ‘щи’, как и фамилия **Долгошинов** в д. Труфанова гора Пинеж. у. в писцовой книге XVII в., очевидно, из прозвища **Долгие шти**, — сравн. неоднократно встреченные *Высокие шти* (в Муроме 1574 г., Ярославле 1671 г., Симбирске 1678 г.). Не были ли *долгие и высокие шти* повседневными кулинарными терминами?

Шумилов (Шенк. 366 чел., Онеж. 49 чел., Холм. 18 чел.). Отчество от нецерковного мужского имени **Шумило** ‘шумный, крикливый’. Фамилия на Севере старая как и сами имена с *-ило*: **Будило**, **Твердило**, **Томило** и др. В Чухченем. вол. близ Архангельска она документирована в 1634 г.

Ядовин см. **Едовин**.

Принятые сокращения

АОА	Архив Архангельской области. Архангельск.
АПИ	Картотека архангельских говоров при филолог. фак. Архангельского Пед. Ин-та.
Богословский	<i>Богословский М. М.</i> Земское самоуправление на русском Севере. М., I — 1909; II — 1910.
Борич.	<i>Боричевский И.</i> Обозрение губернских ведомостей. — ЖМНИ, 1850, ч. 65, отд. VI.
Васильев	<i>Васильев Ю. С.</i> Феодальное землевладение и хозяйство в Важской земле XV—XVII вв. Л., 1971.
Витов	<i>Витов М. В.</i> Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII в. М., 1962.
Елизаровский	<i>Елизаровский И. А.</i> Лексика Беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958.
Колосов	<i>Колосов М. А.</i> Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия. — Сборник Отделен. рус. яз. и словесности АН, XVII, 1877.
ЛГУ	Картотека пинежского диалекта при кабинете диалектологии Ленинградского Гос. Ун-та.
МГУ	Картотека Архангельского словаря при кабинете диалектологии МГУ.
МИЕС	Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, I — 1970; II — 1972; III — 1973.
Пал.	Словарь русских старожильческих говоров средн. части бассейна р. Оби. Ред. В. В. Палагина. Томск, II — 1965; III — 1967; Доп.: Дополнения I — 1971, II — 1973.
Под.	<i>Подвысоцкий А.</i> Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. Русская Историческая Библиотека. СПб.
РИБ	
Сим.	Картотека Пинежского говора, составленная Г. Я. Симиной (Ленинградское отд-ние Ин-та рус. яз. АН).
ССКЗД	Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
ТА	Тобольский архив. Тобольск.
Федосюк	<i>Федосюк Ю. А.</i> Русские фамилии. М., 1972.
Шахматов	<i>Шахматов А. А.</i> Исследование о двинских грамотах XV в. СПБ., 1903.
Шренк	<i>Шренк А. И.</i> Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. — Записки Русского Географического общества, IV. СПБ., 1850.